

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-158-171

EDN: QMVDDV

«Социология риска и безопасности» в системе подготовки социологов: к вопросу о когнитивной безопасности социума и ее гарантиях*

Т.А. Хагуров, М.М. Медведев

Кубанский государственный университет,
ул. Ставропольская, 149, Краснодар, 350040, Россия

(e-mail: khagurov@mail.ru; maxim.med2002@gmail.com)

Аннотация. Кризис современного образования рассмотрен в статье как следствие системного воздействия глобальных вызовов, ведущего к деформации классической триады образовательных целей — «понимание, целеполагание, деятельность». Актуальность исследования обусловлена сочетанием долгосрочных трендов (глобализация, информационная революция, консьюмеризация) и новых угроз (гибридные войны, взрывное развитие ИИ, применение ИКС-технологий), которое ставит под удар когнитивную и ценностную безопасность общества, делая сферу образования фронтом геополитического противостояния. Авторы провели комплексный анализ вызовов и угроз для каждой ступени образовательной триады в контексте гибридных войн и глобальной конкуренции, наметили контуры стратегического ответа в рамках социогуманитарного знания и образовательной политики. Теоретико-методологическую основу статьи составил критический анализ концепций сетевого общества и «текущей современности», теорий глобализации и потребительского общества, а также рискологический подход, позволяющий интегрировать социальные, информационные и образовательные процессы в единое проблемное поле безопасности. Авторы показывают, что сегодня «понимание» блокируется информационной перегрузкой и фрагментацией картины мира, «целеполагание» подвергается эрозии вследствие маркетизации и внешней ценностной агрессии, ведущей к аномии, а «деятельность» теряет созидательно-коллективный смысл, редуцируясь к формальной компетенции или инструменту индивидуалистической конкуренции. Необходим переход от узкотематической профилактики к комплексной стратегии по одновременному формированию целостной картины мира, воспитанию ценностного сознания и организации социально значимой практики, для чего предложена конкретная институциональная форма — магистерская программа «Социология риска и безопасности».

Ключевые слова: когнитивные войны; социология риска и безопасности; социогуманитарное знание; когнитивная и ценностная безопасность; суверенитет

*© Хагуров Т.А., Медведев М.М., 2026

Статья поступила в редакцию 10.12.2025. Статья принята к публикации 15.01.2026.

Для цитирования: Хагуров Т.А., Медведев М.М. «Социология риска и безопасности» в системе подготовки социологов: к вопросу о когнитивной безопасности социума и ее гарантах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 1. С. 158–171. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-158-171> EDN: QMVDDV

Современный мир стремительно меняется. В том, что масштабы и глубина этих изменений необычайно велики, согласны все, но в оценках содержания изменений и вызываемых ими социальных, культурных, политических и иных последствий согласия меньше. Можно выделить здесь две основные линии — оптимистическую и пессимистическую. Первая обычно связывается с технологическими и экономическими новациями, создающими «общество изобилия» [6]. «Футурошок» Э. Тоффлера одним из первых выразил главную идею такого оптимизма: изменения могут шокировать, но они неизбежны, несут много позитивного и к ним нужно адаптироваться, если не хочешь остаться за бортом современности [20]. К пессимизму чаще тяготеют ученые, изучающие трансформации культуры и внутреннего мира человека, но не только они [5; 8; 25].

Независимо от принадлежности к лагерю техно-оптимистов или культур-пессимистов важной задачей социогуманитарного знания становится описание (хотя бы в первом приближении) вызовов, обусловленных следующими трендами: глобализацией (формирование единого общемирового пространства в сфере политики, культуры, экономики и финансов, образования, знаний и технологий) [4], информационно-коммуникационной революцией (главный технологический фактор глобализации, создающий невиданные ранее возможности в распространения и получения информации [21], социального моделирования и управления [7; 10]), резким возрастанием скорости технологических и социальных изменений, «ускорением времени» и рутинизацией анонии вследствие постоянных трансформаций действительности [11], интенсивной консьюмеризацией и маркетизацией разных сфер жизни (в том числе ранее функционирующих по другим законам — образования, здравоохранения, культуры и искусства, семейных и детско-родительских отношений) [23], возрастанием конкуренции на глобальных рынках, индивидуализацией и сопровождающими ее процессами (рост мобильности, отказ от привычной нормативности, расширение спектра возможных идентичностей) [3].

В последние годы к этим вызовам (давно обсуждаемым научным и экспертным сообществом) добавилась угроза новой мировой войны, ареной которой могут стать как минимум три театра военных действий — восточноевропейский, рискующий превратиться в общеевропейский, ближневосточный и дальневосточный. Наряду с резким ростом политической и военной нестабильности появились вызовы, связанные с взрывным развитием технологий ИИ и его влиянием на общество, военную сферу и политику.

Очевидно, что сами по себе перечисленные тренды порождают риски и возможности, которые в своем влиянии на дальнейшее развитие общества и человека могут быть реализованы по-разному. Так, ИИ-технологии по аналогии с технологиями расщепления атома могут быть использованы как во благо, так и во вред. Задача науки и образования (в том числе академической и университетской социологии) — прогнозировать и предлагать модели предупреждения рисков и способы реализации позитивных возможностей. Исторический опыт подсказывает осторожный пессимизм: прежде чем получить гражданское применение и служить обществу многие передовые технологии сначала служили войне и разрушению. От античных катапульт и технологий обработки металлов до бомбардировщиков и атомной бомбы передовые знания и технологии сначала осваивали военные. То же касается и гуманитарных знаний: хотя эпоха активной технологизации (в том числе военной) гуманитарных знаний началась в XX веке, об их прикладном использовании на войне и в политике писали Сунь-Цзы и Конфуций, Платон и Аристотель, Марк Аврелий и Августин [1; 2; 14; 16; 19], а затем Макиавелли в «Государе» [13]. Взрывное развитие и институционализация сферы hi-hume (высоких гуманитарных технологий) началось после Второй мировой войны [8]. В XXI веке оформилась, по сути, новая генерация технологий — ИКС (информационно-когнитивно-социогуманитарные), ставших опорой для когнитивных и информационно-психологических войн.

Мы не проповедуем технологический пацифизм в пику технологическому милитаризму — защита ценностей и суверенитета народов, выживание в жестокое столкновении интересов и проектов субъектов мировой политики и истории невозможно без военно-технологической опоры. Сказанное в полной мере относится и к гуманитарным технологиям, выдвинувшимся в XXI веке на передний край военной и миропроектной конкуренции между государствами, цивилизациями и центрами влияния.

В свете обострения этой конкуренции особого внимания заслуживает воздействие ИКС-технологий на сферу образования — как прямое (многочисленные реформы и дискуссии), так и косвенное (в силу самого факта существования и развития гуманитарных технологий). Это воздействие, одной из наиболее заметных форм которого является цифровизация, порождает наряду с новыми возможностями особый комплекс рисков и вызовов, существенная часть которых оказывается «в тени», за пределами общественных и профессиональных дискуссий о судьбах образования. Рассматривая образование как сферу социального воспроизводства и проектирования будущего, эти риски необходимо анализировать и выработать стратегии их нейтрализации и/или хотя бы смягчения.

Классическая триада целей образования, сформулированная в Античности, предполагала последовательное формирование у учащихся

способностей к пониманию, целеполаганию, деятельности. Считалось, что сначала нужно научить человека понимать окружающий мир, т.е. снабдить его знаниями и интеллектуальными инструментами, позволяющими эти знания использовать, затем — сформировать ценностную позицию (целеполагание основано на ценностях, а они теснейшим образом связаны с идентичностью, без которой невозможна субъектность). И лишь потом, сформировав субъектность и способность понимать мир, — научить действовать, снабдить инструментами практической реализации целей. Быть образованным означало понимать окружающий мир, быть способным к ценностному выбору и только потом — к эффективной деятельности.

Интересно, что технологи когнитивных войн буквально «зеркалят» эту триаду целей, поскольку любая когнитивная война преследует три основные цели: разрушить картину мира человека, лишить его способности адекватно понимать и интерпретировать действительность (на основе искаженной информации и ложных знаний); разрушить ценности, подавить эмоции любви к Родине и патриотизма, заместить их негативом и паникой; лишить людей способности к мобилизации и действиям, подавить их энергию или направить ее против своего государства. На коротких временных отрезках эти задачи решаются при помощи фейков и информационных кампаний, в долгосрочной стратегической перспективе — посредством влияния на образование и культуру.

Сегодня в пространстве образования наблюдается все более явный отказ от перечисленных выше фундаментальных принципов и, как следствие, нарастающий кризис способности общества понимать происходящее, сохранять ценности и действовать. *Первый фактор*, проблематизирующий «понимание», — *информационная перегрузка*, порожденная информационной революцией. Современный человек (студент или школьник) перегружен разнообразной информацией, огромная доля которой не несет полезной нагрузки, а имеет развлекательный (музыка, фильмы, социальные сети) или побудительный (реклама, маркетинг, политика) характер. Если взрослый человек, получивший классическое образование, способен к фильтрации информационных потоков и ориентации в них, то подростки и молодежь — не всегда.

Ребенок, воспитанный мультфильмами, компьютерными играми и рилсами, обретает стойкую привычку к информационно-эмоциональной стимуляции, но не формирует навыков внимания и понимания, для которых нужно читать книги, размышлять над прочитанным и обсуждать его, а планшет и смартфон для этих целей просто неудобны. С другой стороны, на подобное чтение у молодежи просто нет времени — его забирает развлекательная и стимулирующая информация, «общение» в социальных сетях. В результате у огромного числа студентов оперативность в написании рефератов и курсовых обратно пропорциональна способности понять и об-

судить принесенный преподавателю текст. А стремительный рост популярности ИИ в студенческой среде заставляет ностальгически вспоминать традиционно ругаемые преподавателями Википедию и Гугл. Знаниевые системы (очередной шаг их развития после поисковиков интернет-энциклопедий — ИИ-помощники) становятся конечным авторитетом, сил и способности перепроверить который студенты в абсолютном большинстве не имеют. При этом простейший самостоятельный сравнительный анализ разных точек зрения с расширенной источниковой базой становится чуть ли не интеллектуальным высшим пилотажем, доступным немногим аспирантам. Формируемое таким образом сознание отличается принципиальной зависимостью (на фоне иллюзии самостоятельности) от внешних подсказок и слабой способностью к самостоятельному анализу информации. Подчеркнем, что речь идет о тенденции, не отменяющей множества отдельных исключений.

Важно понимать, что глобальные знаниевые системы не дают информацию беспристрастно: они агрегируют информацию избирательно, в соответствии с принципами, выгодными их хозяевам, что особенно опасно для социально-гуманитарного знания и образования, поскольку общественные и гуманитарные науки лишены объективности, свойственной наукам естественным. Типичный пример — история, включающая в себя как исторические факты, так и их толкования, составляющие главный предмет управления знаниями, хотя и факты могут искажаться, подменяться «фейками».

Второй фактор, еще больше проблематизирующий «понимание» — *фрагментация картины мира*. Эту проблему обсуждают последние 150 лет — с тех пор как проявилась возрастающая специализация, но в условиях информационной перегрузки и отказа от чтения ситуация обретает качественную новизну, заставляя ностальгически вспоминать деление на «физиков» и «лириков». Сегодняшние гуманитарии почти не знакомы с естествознанием, а естественники — с историей и литературой. Более-менее цельным схематичным представлением (на уровне советской общеобразовательной школы) о том, как устроен окружающий мир в его основных измерениях (физическом, биологическом, политическом, географическом и т.д.) обладают единицы. Кроме того, в силу интенсивной прагматизации образовательных мотивов общетеоретические курсы, формирующие фундамент профессионального мировоззрения, воспринимаются как ненужная «лирика» и часто игнорируются. Следствие — кризис профессиональной культуры: картина мира, в том числе профессиональная, приобретает принципиально «мозаичный» и/или узкоспециальный характер, что затрудняет самостоятельное ориентирование и принятие решений в хаосе информационных потоков, усиливая зависимость от «информационного сопровождения» в лице глобальных знаниевых систем.

В результате действия названных факторов образовательный процесс в школах и университетах стремительно абсурдизируется: широкое использование информационных технологий вместо совершенствования учебного процесса ведет к его массовой имитации. Повторим: исключений много, но тенденция именно такова.

Другой фактор кризиса образования — его *интенсивная консьюмеризация и маркетингизация* со второй половины XX века (перенос рыночных принципов в образование). Идеальной моделью становится предпринимательский университет, в основе которого лежит идея бизнес-школы и научной фирмы. Возникает опасный перекося в целях образовательной и воспитательной деятельности — экономоцентризм, порождающий две группы последствий: 1) стремительную утрату идеальной мотивации (любви к профессии, осознания ее смысла, общественной и иной значимости), критически важной для полноценного овладения сложными видами труда (врача, педагога, управленца и т.п.); ведущими мотивами выпускников становятся деньги и статус (один из важнейших факторов массовой депрофессионализации); 2) утрату многих неутилитарных аспектов деятельности университетов — от курсов по истории античной эстетики до исследований средневековой поэзии; интеллектуальный и культурный потенциал университета «схлопывается» до горизонтов, определяемых рынком. Все это ведет к утрате субъектности, которая не противоречит индивидуализации (часто второе принимается за первое): субъектность предполагает, прежде всего, наличие идентичности и ценностной позиции, а затем свободы и ответственности; индивидуализация означает эмансипацию эгоизма и потребностной сферы. Сказанное относится и к образовательной субъектности, часто подменяемой индивидуализацией: студент выбирает удобные образовательные траектории, далеко не всегда позволяющие получить полноценное образование.

Главным следствием перечисленных тенденций в сфере образования становятся нарастающие риски *утраты когнитивной и ценностной безопасности социума* — способности формировать и поддерживать адекватную картину мира, правильным образом интерпретировать реальность и сохранять субъектность на основе следования собственным ценностям. Общество должно сохранять способность задавать правильные вопросы о мировых процессах, находить и осмысливать ответы на них и выработать стратегию действий, обеспечивающую выживание. Особая роль здесь принадлежит государству — главному инструменту выживания народа в долгосрочной перспективе — и его институтам. Однако важнейшую роль играет и общественное сознание, идентичность, ценности и настроения — общество должно сотрудничать с государством.

Таким образом, ответ на вопрос «что происходит с Родиной и с нами» с позиций умеренного пессимизма, может звучать так:

- «воронка» системной трансформации мира захлопнулась и превратилась в «тоннель»; «воронка» была открыта разрушением СССР (1991), а ее окончательное сужение и превращение в «тоннель» связано с пандемией (2020) и началом СВО (2022), однако вход в воронку готовился западными элитами с середины 1960-х — начала 1970-х годов (маркер — доклад Римского клуба «Пределы роста» [15]);

- «тоннель» мир-системной трансформации всегда сопровождается войнами, ростом насилия и хаоса, например, «темновековье» V–VII веков — трансформация античного мира в средневековый — или «длинный XVI век», завершившийся тридцатилетней войной и трансформацией Средневековья в мир Модерна, Нового времени [21];

- важной слагаемой военного аспекта трансформации выступает социогуманитарная (когнитивная) война — с ценностями, смыслами, мышлением и психологией; на наших глазах происходит «мягкая», но настойчивая дегуманизация многих сфер жизни (образования, культуры и политики в том числе) [24];

- цель трансформации, насколько можно судить по доступной информации, — становление «нового дивного мира», «многоэтажного человечества», отменяющего мир Модерна и идею развития, закрепляющего фундаментальное неравенство и напоминающего сюжеты антиутопий О. Хаксли, Р. Брэдли и А. Зиновьева;

- если этот вариант будущего состоится, России в нем места не будет.

В ответах такого рода есть два существенных недостатка. Первый связан с тем, что подобные общественно-политические диагнозы часто стигматизируются научным сообществом как несколько истеричный алармизм. «Оптимисты» любят вспоминать египетский папирус трехтысячелетней давности, на котором неизвестный жрец сокрушается по поводу развращенной молодежи, утраты традиций и близкого краха государства и общества: «и ничего — живем до сих пор», весело говорят оптимисты. Возражая, заметим, что алармизм — это не всегда невроз и истерика, иногда это вполне обоснованный пессимизм, опирающийся на наблюдения и аналитику, связанный с попыткой объективного прогноза наблюдаемых сегодня тенденций. Что же касается египетского жреца, то случаи разрушения отдельных государств и целых цивилизаций в истории не редкость, достаточно вспомнить крах Российской империи или распад СССР.

Второй недостаток такого рода ответов состоит в том, что они слишком общие и требуют уточнения применительно к разным сферам общественной жизни. Так, в сфере образования первая группа угроз когнитивной безопасности связана с той системой знаний и их источников, которую усваивают школьники и студенты и на основе которой потом интерпретируют окружающую действительность. Вторая группа угроз когнитивной

безопасности обусловлена деформацией ценностного сознания общества (прежде всего, молодежи) на основе доминирующих источников информации. Особая категория знаний связана с формированием личности, передачей ценностей и воспитанием. Успешность воспитания в существенной степени зависит от воздействий семьи, системы образования, популярного искусства (кинематографа, литературы и т.п.) и в целом медиасферы. В зависимости от того, насколько согласованы эти воздействия, личность усвоит целостную либо фрагментарную систему ценностей. Одна из главных проблем общественного сознания сегодня — рутинизация аномии (в дюркгеймианском смысле) объясняется тем, что воспитательная роль школы и семьи оспаривается индустрией интернет-инфлюэнсеров и массовым искусством.

Инфлюэнсеры — популярные блогеры, ведущие интернет-каналов, коучи и другие медийные персоны, играющие для молодежи роль лидеров мнений и потому влияющие на ее мировоззрение. Основное содержание их культурных посылов аудитории направлено в первую очередь на формирование у молодежи ироничного отношения к традиционным ценностям (в том числе патриотизму) и навязывание ценностей потребления, эгоизма и индивидуализма. Как показывают наши исследования, большой популярностью пользуются авторы и ведущие юмористических каналов и передач, среди которых много работающих в жанре скетча, включая пародии на российскую культуру и традиционные ценности [9. С. 139]. Популярны авторы и ведущие каналов о ЗОЖ (здоровый образ жизни) и ПП (правильное питание), многие из которых пропагандируют идеи «любви к себе» и «заботы о себе» в качестве главных ценностей. Аналогичные идеи транслируют популярные у женской аудитории бьюти-блогеры, специализирующиеся на темах красоты, внешности и моды. В числе наиболее популярных инфлюэнсеров и авторы/ведущие блогов и каналов в жанре поп-психологии и лайф-коуча, часто настойчиво пропагандирующие идеи радикального индивидуализма: «любовь к себе», «никто никому ничего не должен», «человек сам устанавливает для себя правила» и т.п. Причем эта часть интернет-пространства массовой культуры пересекается с дискурсивным полем оккультизма, активно развивающимся рынком эзотерических услуг [17. С. 118]. Отдельная группа угроз связана с пропагандой деструктивных и денормативных форм поведения, которой занимается целый ряд лидеров мнений, в том числе работающих на цифровых платформах, — это коммерческие проекты, за которыми стоят стратегии управления обществом через активизацию определенных (низменных) потребностей аудитории, коммерческую эксплуатацию девиантных форм поведения.

Продолжая анализ классической триады образования, обратимся к третьей, завершающей цели. Первые две ступени — понимание и це-

леполагание — разрушаются под влиянием информационного прессинга и ценностной аномии, но сфера «деятельности» подвергается не менее системной эрозии. Еще советская педагогическая мысль, преодолевая абстрактный дидактизм, выдвигала на первое место принцип связи обучения с жизнью, с общественно полезным трудом [12]. Деятельность в контексте образования выполняет важную функцию — способа объективации внутренних убеждений и проверки ценностей на прочность, механизма формирования подлинной субъектности (когда человек выступает не как исполнитель, а как сознательный творец и соучастник общего дела). В современной образовательной практике происходит системная девальвация данной концепции деятельности — ее содержание нередко редуцируется до инструмента формальной аттестации в рамках компетентностного подхода. Образовательные стандарты декларируют формирование компетенций, однако активность учащихся все чаще сводится к выполнению шаблонных проектов, оторванных от реальных проблем. Деятельность становится имитационной, а ее результатом — не продукт, имеющий ценность для коллектива или общества, а отчетный материал для портфолио.

Индивидуализация и маркетизация в образовании приводят к системному вытеснению коллектива как воспитательной среды для создания ответственных отношений и интеграции через общую трудовую деятельность. Проектная работа часто носит разрозненный характер, не сплачивая, а создавая индивидуалистическую конкуренцию между учащимися, что поощряет достижение результата «любой ценой» и ведет к нарастающей атомизации внутри воспитательной среды. В целом система образования, нацеленная на формальные показатели компетентностного и проектного подходов, поощряет утилитарное, потребительское отношение к учебе как к инструменту личного успеха. Деятельность, лишённая личностного смысла и социальной значимости, превращается в отчужденную рутину. Поскольку силы ученика тратятся не на созидание, а на симуляцию, в долгосрочной перспективе ему угрожает глубокая экзистенциальная депривация.

Все перечисленное — это не только и столько объективные тренды развития информационного глобализированного общества, сколько инструменты и составные части гибридной войны против России, включающей в себя классическое военное, экономическое и социогуманитарное (информационно-психологическое, когнитивное) измерения. Один из главных принципов когнитивной войны — воздействие на специфические для каждого общества культурно-исторические «болевы́е точки». История «цветных революций» показывает, что такими точками для обществ Ближнего Востока стали религиозные и племенные противоречия, для Украины — вопросы национального самосознания, для

России — вопросы недоверия к власти, социальной несправедливости и протеста. В постсоветский период, на фоне управляемой актуализации исторических травм обострились проблемы межэтнических и конфессиональных противоречий. С одной стороны, российское общество имеет длительный исторический опыт мирного сохранения этноконфессионального разнообразия, что помогает противоречия преодолевать. С другой стороны, их преодоление затрудняется разрушением общего ценностно-нормативного, социокультурного и идеологического пространства и недостаточностью предпринимаемых попыток его восстановления. Особую проблему представляет системная деидеологизация российского общества, начавшаяся в период «перестройки».

Наличие государственной идеологии — важное слагаемое психологической и политической устойчивости общества. Сплочение граждан вокруг национальной идеи обеспечивает необходимый уровень мобилизации, позволяя обществу выстаивать в сложных обстоятельствах и конфликтах. Такой идеологией, обеспечивающей гражданское сплочение в условиях этноконфессионального разнообразия, для России призван стать «патриотизм, направленный на развитие страны» [18]. Однако формирование полноценного идеологического сознания молодежи на основе идеи патриотизма существенно осложняется влиянием двух факторов: потребительской деформацией ценностного сознания; воздействием на общественное сознание оппозиционных по отношению к политическому курсу и руководству страны иностранных и отечественных СМИ, часто выражающих антигосударственную позицию под маской патриотизма и заботы. В результате совместного воздействия этих факторов в контексте рисков когнитивной безопасности одна часть общества (прежде всего молодежь) идеологически демобилизована влиянием потребительских ценностей, а другая часть дезориентирована влиянием ведущих информационную войну СМИ, что приводит к утрате существенной частью общества способности к активной, деятельной патриотической позиции. Доминирует либо социальная и гражданская пассивность, либо активность протестного типа, направленная против государства.

Перечисленные риски и вызовы когнитивной безопасности общества создают угрозу его адаптации и выживанию как коллективного исторического субъекта в агрессивном, шатающемся миропорядке XXI века. В то же время будущее не гарантировано и в значительной степени может корректироваться из нашего «сегодня», причем национальные культурно-интеллектуальные ресурсы (школы, университеты, искусство и т.п.) могут выступить в роли «корректоров», во взаимодействии с государством пытаясь реализовать иные возможности, заложенные в современных трендах. Особую актуальность обретает исследование жизненного мира,

социального самоопределения и «болезней взросления» членов социума. Расширение и углубление понимания процессов формирования разных типов идентичности, выявление кризисных точек социальных взаимодействий, анализ личностного преломления социальных напряжений, изучение трансформаций институтов и механизмов социализации и социального контроля — все это *актуальные теоретические* вопросы социогуманитарного знания.

В то же время очевиден запрос на *прикладное знание* в области прогнозирования, выявления и описания, анализа и профилактики рисков: войны, экстремизма, криминализации, культурной инверсии, деформации гендерных и детско-родительских отношений и т.п. По сути, сегодня в сфере прогнозирования и профилактики рисков сложилась классическая проблемная ситуация — противоречие между необходимостью повышения эффективности сложившихся и практикуемых подходов и недостатком знаний о социальных и психологических процессах, на основе которых подобный «апгрейд» может быть осуществлен.

Традиционно в научных и образовательных программах, направленных на разработку технологий профилактики деструктивных явлений, используется методология предметного фокусирования. Так, если речь идет о профилактике экстремизма, изучаются установки в сфере межнационального и межконфессионального общения, политические взгляды; если разрабатывают методы профилактики наркопотребления, то изучается опыт употребления психоактивных веществ и отношение к ним, и т.п. Новизна программы для магистров-социологов — «Социология риска и безопасности» (открыта в КубГУ с 2024 года) — связана с комплексностью исследования жизненного мира членов социума и протекающих в нем процессов на основе рискологического подхода.

Существуют, по-видимому, три главных мотива для научного изучения общества и социального поведения: 1) чтобы эксплуатировать человека политически и/или экономически, обслуживая потребности власть имущих; 2) чтобы свысока наблюдать за человеком, чувствуя интеллектуальное превосходство, и зарабатывать на этом (постмодернистские «языковые игры»); 3) чтобы сострадательно понять человека и помочь ему. Именно последний мотив органичен для российской интеллектуальной традиции, сформированной классической литературой и ее религиозными корнями.

Обосновывая важность институционализации «Социологии риска и безопасности», следует сказать о роли отечественной социологии в обеспечении когнитивной и ценностной безопасности. Профилактическая и коррекционная работа с обществом в целом и его отдельными сегментами в условиях современных вызовов должна строиться по симметричным этим вызовам направлениям: формирование правильной картины мира,

информационная поддержка, разъяснение, работа с «фейками»; ценностное, культурно-нравственное воспитание и просвещение; организация повседневных форм деятельности, связанных с реализацией ценностной и гражданской позиции, патриотизма. Во всех направлениях объяснительный и прикладной потенциал социальных и гуманитарных наук критически важен для обеспечения устойчивости и жизнеспособности социума. При этом принципиальным остается вопрос о когерентности используемых теоретико-методологических подходов реалиям и социокультурным кодам российского общества. Следовательно, обсуждение как самой идеи «Социологии риска и безопасности», так и возможных подходов к ее реализации представляется не только своевременным, но в чем-то даже запаздывающим.

Библиографический список

1. *Августин Блаженный*. Творения. Т. 3. СПб.; Киев, 1998.
2. *Аристотель*. Политика. М., 2010.
3. *Бауман З.* Текущая современность. СПб., 2008.
4. *Бергер П., Хантингтон С.* Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире. М., 2004.
5. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006.
6. *Гэлбрейт Дж.К.* Общество изобилия. М., 2018.
7. *Делягин М.Г.* Драйв человечества. Глобализация и мировой кризис. М., 2008.
8. *Делягин М.Г.* Мировой кризис: Общая теория глобализации. М., 2003.
9. Доклад о состоянии гражданского общества в Краснодарском крае за 2024 год. URL: <https://www.op-kk.ru/info/doklad>.
10. *Кастельс М.* Власть коммуникации. М., 2020.
11. *Кравченко С.А.* Социология модерна и постмодерна в динамически меняющемся мире. М., 2007.
12. *Макаренко А.С.* Трудовое воспитание. М., 1977.
13. *Макиавелли Н.* Государь. М., 2017.
14. *Марк Аврелий Антонин.* Размышления. М., 1985.
15. *Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рэндерс Й., Беренс В.* Пределы роста. М., 1991.
16. *Платон.* Алкивиад Первый // Платон. Сочинения. Т. 2. СПб., 1863.
17. *Позднякова М.Е., Брюно В.В.* Поп-психология // Молодежь нашего города: субкультуры, движения, идеологии и практики (социологический путеводитель) / Под науч. и общ. ред. Т.А. Хагурова. М., 2025.
18. «Посвятить себя развитию страны»: Путин назвал патриотизм национальной идеей России. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/745442-putin-patriotizm-nacionalnaya-ideya>.
19. *Сунь Цзы.* Искусство войны. М., 2018.
20. *Тоффлер Э.* Шок будущего. М., 2002.
21. *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества. М., 2004.
22. *Фурсов А.И.* Оргазм богомола. М., 2021.
23. *Хагуров Т.А.* Методология девиантологических исследований в современном обществе: «человек-потребитель» в фокусе девиантологического анализа // Общество и право. 2005. № 1.
24. *Хагуров Т.А.* Неофашизм vs неогуманизм как континуум девиантологических проблем XXI века // Вестник практической психологии образования. 2015. Т. 12. № 1.
25. *Эко У.* Средние века уже начались // Иностранная литература. 1994. № 4.

Sociology of Risk and Safety in training sociologists: Societal cognitive security and its guarantors*

T.A. Khagurov, M.M. Medvedev

Kuban State University,
Stavropolskaya St., 149, Krasnodar, 350040, Russia

(e-mail: khagurov@mail.ru; maxim.med2002@gmail.com)

Abstract. The article considers the crisis of today’s education as a consequence of the systemic impact of global challenges, leading to the deformation of the classical triad — understanding, goal setting, action. The relevance of the study is determined by the combination of long-term trends (globalization, information revolution, consumerization) and new threats (hybrid wars, explosive development of AI, use of ICS) to the cognitive and value security of society, which turns education into a frontline in geopolitical confrontation. The authors conducted a comprehensive analysis of the challenges and threats for each stage of the education triad under hybrid wars and global competition, outlining the contours of a strategic response within the framework of social-humanitarian knowledge and educational policy. The theoretical-methodological basis of the article is a critical analysis of the concepts of the network society, “liquid modernity”, globalization and consumer society and a riskological approach that allows for integration of social, information and educational processes into a single subject field of security studies. The authors show that today “understanding” is blocked by information overload and fragmented worldview, “goal setting” is eroded by marketization and external value-based aggression leading to anomie, and “activity” loses its creative and collective meaning, being reduced to a formal competence or a tool for individualistic competition. Thus, we need a transition from narrowly focused prevention to a comprehensive strategy to simultaneously develop holistic worldview, value consciousness and socially significant practice, for which the authors propose a specific institutional framework — the Master’s program in Sociology of Risk and Security.

Key words: cognitive wars; sociology of risk and safety; social-humanitarian knowledge; cognitive and value security; sovereignty

For citation: Khagurov T.A., Medvedev M.M. Sociology of Risk and Safety in training sociologists: Societal cognitive security and its guarantors. *RUDN Journal of Sociology*. 2026; 26 (1): 158–171. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-158-171> EDN: QMVDDV

References

1. Saint Augustine. *Tvoreniya* [Works]. Vol. 3. Saint Petersburg; Kiev; 1998. (In Russ.).
2. Aristotle. *Politika* [Politics]. Moscow; 2010. (In Russ.).
3. Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost* [Liquid Modernity]. Saint Petersburg; 2008. (In Russ.).
4. Berger P., Huntington S. *Mnogolikaya globalizatsiya. Kulturnoe raznoobrazie v sovremenom mire* [Many Globalizations: Cultural Diversity in the Contemporary World]. Moscow; 2004. (In Russ.).
5. Baudrillard J. *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury* [The Consumer Society: Myths and Structures]. Moscow; 2006. (In Russ.).

*© T.A. Khagurov, M.M. Medvedev, 2026

The article was submitted on 10.12.2025. The article was accepted on 15.01.2026.

6. Galbraith J.K. *Obshchestvo izobiliya* [The Affluent Society]. Moscow; 2018. (In Russ.).
7. Delyagin M.G. *Draiv chelovechestva. Globalizatsiya i mirovoy krizis* [The Drive of Humanity. Globalization and the World Crisis]. Moscow; 2008. (In Russ.).
8. Delyagin M.G. *Mirovoy krizis: Obshchaya teoriya globalizatsii* [The World Crisis: General Theory of Globalization]. Moscow; 2003. (In Russ.).
9. Doklad o sostoyanii grazhdanskogo obshchestva v Krasnodarskom krae za 2024 god [Report on the State of Civil Society in the Krasnodar Region in 2024]. URL: <https://www.op-kk.ru/info/doklad>. (In Russ.).
10. Castells M. *Vlast kommunikatsii* [Communication Power]. Moscow; 2020. (In Russ.).
11. Kravchenko S.A. *Sotsiologiya moderna i postmoderna v dinamicheski menyayushchemsya mire* [Sociology of Modernity and Postmodernity in the Dynamically Changing World]. Moscow; 2007. (In Russ.).
12. Makarenko A.S. *Trudovoe vospitanie* [Labor Education]. Minsk; 1977. (In Russ.).
13. Machiavelli N. *Gosudar* [The Sovereign]. Moscow; 2017. (In Russ.).
14. Marcus Aurelius Antoninus. *Razmyshleniya* [Meditations]. Moscow; 1985. (In Russ.).
15. Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens W. *Predely rosta* [The Limits to Growth]. Moscow; 1991. (In Russ.).
16. Plato. Alkiviad Pervy [First Alcibiades]. *Sochineniya*. Vol. 2. Saint Petersburg; 1863. (In Russ.).
17. Pozdnyakova M.E., Bryuno V.V. Pop-psikhologiya [Pop psychology]. *Molodezh nashego goroda: subkultury, dvizheniya, ideologii i praktiki (sotsiologichesky putevoditel)*. Ed. by T.A. Khagurov. Moscow; 2025. (In Russ.).
18. “Posvyatit sebya razvitiyu strany”: Putin nazval patriotizm natsionalnoy ideey Rossii [“To devote oneself to the development of the country”: Putin called patriotism the national idea of Russia]. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/745442-putin-patriotizm-nacionalnaya-ideya>. (In Russ.).
19. Sun Tzu. *Iskusstvo voyny* [The Art of War]. Moscow; 2018. (In Russ.).
20. Toffler A. *Shok budushchego* [Future Shock]. Moscow; 2002. (In Russ.).
21. Webster F. *Teorii informatsionnogo obshchestva* [Theories of the Information Society]. Moscow; 2004. (In Russ.).
22. Fursov A.I. *Orgazm bogomola* [Praying Mantis Orgasm]. Moscow; 2021. (In Russ.).
23. Khagurov T.A. Metodologiya deviantologicheskikh issledovaniy v sovremennom obshchestve: “Chelovek-potrebitel” v fokuse deviantologicheskogo analiza [Methodology of deviance studies in contemporary society: “Consumer man” in the focus of analysis of deviant behavior]. *Obshchestvo i Pravo*. 2005; 1. (In Russ.).
24. Khagurov T.A. Neofashizm vs negumanizm kak kontinuum deviantologicheskikh problem XXI veka [Neo-fascism vs neo-humanism as a continuum of deviance in the 21st century]. *Vestnik Prakticheskoy Psikhologii Obrazovaniya*. 2015; 1 (In Russ.).
25. Eco U. Srednie veka uzhe nachalis [The New Middle Ages]. *Inostrannaya Literatura*. 1994; 4. (In Russ.).